

Иван
ДОРБА

ПОСЛЕДНЯЯ ЕКАТЕРИНА ИЗ РОДА КНЯЗЕЙ МЕЩЕРСКИХ

Лит. Россия. — 1996. — 30 авг. — С. 8

В «Литературной России», № 21 с.г., прочел заметку, что идут съемки фильма «Мещерские» в Париже, а мне хочется напомнить о Мещерских в Москве.

ПОСЛЕДНЮЮ из рода Мещерских в России Екатерину Александровну — я знал довольно близко много лет. Она приходилась тетушкой графу Алексею Алексеевичу Игнатьеву. С ним и его женой Наталией Владимировной Трухановой я дружил до самой их смерти. Довелось хоронить этого Человека с большой буквы... и заказывать ему памятник...

Екатерина Александровна — КИТТИ — так ее называли Игнатьевы, часто бывала у них, музицировала, аккомпанировала на рояле, когда пели гости — Обухова, Козловский.

На этот раз справляли праздник Первого мая. Пришли Китти, Обухова, явился и старый товарищ графа по Пажескому корпусу Желтухин, художник-реставратор, чуда, балагур; кичился тем, что его бабка была замужем за Гарибальди...

Увидев Мещерскую, он, в который уже раз, принялся рассказывать, что отсидел на Лубянке за то, что попытался разоблачить некоторых художников, переправлявших за границу шедевры великих художников, при этом они скрывали их под своей мазней.

— Екатерина Александровна, скорее всего — и из галереи вашего батюшки, ведь «смотритель» галереи Мещерских Виктор Эммануилович Грабарь был в их числе!.. Спасло меня от расправы только заступничество Бонч-Бруевича... Не сидеть бы мне сейчас с вами...

— Да, Виктор Эммануилович следил за сохранностью нашей картинной галереи, считавшейся ПЕРВОЙ после Третьяковской!.. Был старательный, всегда любезный... Истинное лицо он показал уже после революции... — заметила Китти.

Прошло немного времени, и нас пригласили в столовую. «СУПЕ»*, как неизменно это было у Игнатьевых, прошел на высоком уровне. Недаром граф хотел издать поварскую книгу «Разговор повара с приспешником». Книга была даже набрана... но доложили Сталину (как-никак НАШ граф!)...

— ГЭНЭРАЛ... и кухня?! Р А С С Ы П А Т Ы ! !

А рецепты разворачивали...

Перешли в гостиную. Обухова спела несколько «душещипательных» романсов. Китти аккомпанировала, а потом и сама сыграла ноктюрн Шопена для любимого дядюшки (который был старше ее на 27 лет!)...

Мещерская была не только талантливым музыкантом (она сочиняла бывшему мужу-композитору песни), но и замечательным рассказчиком, а под конец жизни стала писателем... к сожалению, легко уступавшим «русскоязычному» редактору...

Домой возвращались мы вместе: Екатерина Александровна жила на Поварской, а мы на Кудринке. Усевшись в троллейбус напротив нас, княжна с затанной грустью сказала:

— Слушала я Обухову, а перед глазами стояла другая певица...

Проводили мы ее домой, в дворницкую их бывшего особняка.

— Заходите, мне сегодня так грустно... Все думаю о незабвенной маме... и вспоминаю вечер в подмосковном поселке, где был построен даже свой «театр». Председатель колхоза на собрании по случаю Первого мая поздравил трудящихся и сказал, что вечером приедут артисты и дадут концерт. Часам к семи «зал» уже был переполнен (ведь нечасто их баловали концертами). Люди принарядились, ждали артистов, но время шло, а артисты не приезжали... Похлопали, потопали, а потом и роптать стали... Председатель не знал, как их успокоить, все обещал: «Скоро придут, потерпите немного!» И когда терпение публики, казалось, было готово лопнуть, вдруг на сцену вышли две женщины: одна немолодая, но изящная и кого-то напоминавшая, другая — девушка, тут же усевшаяся за пианино. — У Екатерины Александровны глаза наполнились слезами, она, тряхнув головой, продолжала: — Полилась песня, завораживающая, звонкая, хватающая за сердце, хотя слова были непонятные — певица пела на итальянском... И вот прозвучал последний аккорд, умолк волшебный голос... Певица поклонилась. В зале все замерли. Прошла секунда, другая, третья... Такой музыки и песни никто из односельчан никогда не слышал. Потом зааплодировали и все как один встали... И тут кто-то крикнул: «Тю-ю-ю!.. Да ведь это наша повариха!» В передних рядах загготали... Очарование будто сдуло ветром, и послышались голоса: «Гляди-ка, как поет наша повариха и как

Игорь Игнатьев. Корнет. 1896 год.

играет судомойка! Ха-ха-ха!»... — Китти замолчала, тяжело вздохнув, пробормотала: «Вот так моя покойная матушка, Царствие ей Небесное, совершала «г а с т р о л и по европам»!

Мы были ошарашены услышанным... Жена моя промолвила:

— Я и представить себе не могла, что княгиня Мещерская была певицей!.. Как же это могло произойти? Ведь тогда у князей были строгие правила: артистки не могли быть княгинями...

Екатерина Александровна внимательно посмотрела на нас:

— Придется рассказать вам все... сначала... Отец матери был врачом, лечил старого князя Александра Мещерского. Однажды, будучи приглашенным на обед, доктор пришел со своей красивой дочерью, которая по просьбе деда спела романс, другой, а потом «Аве Мария». Звонкий голос, задушевность, внутренняя сила истинного таланта заставили прослезиться столпившуюся за дверями прислугу... А князь долго-долго не сводил глаз с молодой девушки, а потом сказал: «Вам нужен свой голос довести до совершенства, и вы завоеуете МИР!.. Поможет... — он задумался и словно про себя промолвил: — Консерватория?.. — А потом, повысив голос, решил: — Вас нужно отправить в Италию! ЛА СКАЛА! Вот что вам нужно!»

После небольшой паузы продолжала свой рассказ:

— У князя слово с делом не расходилось. В ту же осень юная дочка врача уехала в Милан, где начала свой курс в «ЛА СКАЛА».

Миновал год, а может быть, и больше. И вдруг удивленные завсегдатаи оперы прочли анонс: «Дирекция «Ла Скала» предлагает ценителям музыки прослушать оперу Доницетти в исполнении молодой талантливой русской певицы».

В тот вечер зал переполнили любопытные итальянцы, французы, немцы, русские... Успех был потрясающий. Когда опустился, в который раз, занавес, в уборную певицы ринулись корреспонденты, режиссеры из Англии, Франции, Голландии, Германии... с предложениями заключить контракты... Потрясенная таким успехом, певица только растерянно улыбалась: «Хорошо, хорошо, спасибо за предложения, я подумаю...» — и прятала их визитные карточки в сумочку... И когда уже собралась уходить, вдруг на пороге возник КНЯЗЬ МЕЩЕРСКИЙ... и она невольно, словно ища защиты, кинулась к нему... Поцеловав ей руку, глядя ей в глаза, задушевно, но твердо он отчеканил: «Моя дорогая девочка, перед вами открылся МИР, вас ждет громкая СЛАВА... Гастроли по всей Европе... Я же предлагаю вам... СТАТЬ

КНЯГИНЕЙ МЕЩЕРСКОЙ... Стать моей ЖЕНОЙ, отказавшись от В С Е Г О... Княгиня МЕЩЕРСКАЯ не может быть артисткой!.. Выбирайте, моя дорогая...»

Князю было под восемьдесят, но он был строен, красив, благороден, с нерастраченными чувствами, пламенным взглядом, горячим сердцем!

Моя матушка долго не раздумывала — стала КНЯГИНЕЙ МЕЩЕРСКОЙ.

А примерно через год родилась я... — Екатерина Александровна закончила свой рассказ, и мы стали прощаться...

Как-то мы пришли к Китти на «стакан чая». В двухкомнатной «дворницкой» было уютно. Особый колорит производили два портрета князя Александра Мещерского — кисти Брюллова и Крамского.

КАК и ПОЧЕМУ она с матерью остались в Москве, а не поехали на Соловки — в те времена «бывших» ссылали туда или отправляли в «штаб Духонина», — я понял из рассказа Екатерины Александровны, похожего на выдумку, уж слишком все казалось невероятным, однако он звучал искренне, рвался из души, иногда с дрожащим голосом и даже со слезами...

Привожу его без комментариев. Пусть читатель примет его таким же. И судит по-своему...

После приказа номер ОДИН Владимира Ленина «буржуи», а тем более дворяне, бароны, графы и князья, не пожелавшие или не успевшие уехать за границу, заволновались: стало голодно, холодно, непривычно без прислуги. К тому же начались аресты, реквизиции под лозунгом «Народное добро!», напоминающие грабежи... Одни прятали свои ценности, другие старались продать их или выменять на хлеб...

И вот как-то ночью позвонили, забарабанили в парадную дверь. На вопрос горничной, не пожелавшей нас оставить, ответили: «Открывай! ЧК!» Предъявив ордер на реквизицию картинной галереи бывших князей Мещерских, непрошенные «гости» разбрелись по анфиладе комнат, снимая и срывая картины. А ввалившиеся вслед за ними солдаты хватали раритеты, волокли их по лестнице на улицу, швыряли в грузовики, царапая полотна и повреждая ценные рамы...

Мать и я, прижавшись друг к другу, с ужасом смотрели на происходящее и вздрагивали, когда трещала или ломалась очередная рама... Мировые шедевры бесцеремонно тащили по полу...

Наконец они уехали... Пришла горничная и почти насильно повела мать, захлебывающуюся от плача, в спальню, уложила ее в постель. А мне шепнула:

— Успокойтесь, барышня, идите к себе, я тут за княгиней пригляжу...

Прошло два или три дня, нервы немного успокоились, зато на сердце навалилась грусть... «ЧТО же такое происходит?!»...

И в д р у г !.. Наша верная горничная докладывает матери:

— Барыня, пришел граф Вильгельм МИРБАХ. Говорит, что немецкий посол! Просит вас принять. Ждет в прихожей.

— Проводи его, Дуня, в гостиную.

Высокий мужчина, чуть седоватый, в визитке, почтительно поклонившись, на не совсем чистом русском сказал:

— Прошу прощения, ваша светлость, за вторжение. Понимаю, что вы удивлены. Дело в том, что я только недавно узнал, ЧТО натворили у вас чекисты. Меня как громом поразило! — Он поднял голову, поглядел на стены, где вместо картин торчали гвозди... — Какое варварство! Абер, абер... Я очень боюсь: это только начало... Если сегодня они сотворили п о д о б н о е, то завтра от н и х следует ждать еще более худшего! Заберут вас, вашу дочь, убьют ВРАГАМИ НАРОДА! — Мирбах сделал паузу.

Мать всячески старалась сохранить на лице спокойствие, не желая показывать немцу, что он берет незаживающую рану... Я предложила гостю сесть. А он тем временем, пылливо глядя ей в глаза, неторопливо опускался в кресло, тихо, но с какой-то угрозой продолжал:

— Ваша светлость! Послушайте добрый совет: уезжайте в Берлин! Там вы, княгиня, будете почетным гостем! Я обеспечу вам дипломатический вагон, туда вы сможете погрузить все ценные вещи и уехать, н и к о г о и н и ч е г о не опасаясь! Подумайте над моим предложением.

— А на какие средства мы с дочерью будем существовать, уважаемый граф?

* «СУПЕ» — обед, если хотите, ужин. Суп для француза — главное.